

Евгений ЕВТУШЕНКО:

ЕСЛИ ЛЮДИ ТЕРЯЮТ ПОТРЕБНОСТЬ В ПОЭЗИИ, ОНА СТАНОВИТСЯ ЕЩЕ БОЛЕЕ НЕОБХОДИМОЙ

Между записями в телепрограммах, полетом в Новосибирск и предконцертной суматохой (Евтушенко выступит 29 мая на сцене Государственного Кремлевского дворца) Евгений Александрович выкроил время для беседы с корреспондентом «ВК». Сначала предполагалось большое интервью. Но чем ближе к кремлевскому событию, тем больше нарастал ком организаторских дел. Сошлись на телефонном разговоре. Даже не на разговоре, а на монологе по поводу того, как сегодня поэт ощущает себя на сцене громадного зала (где, как правило, гоняют попсу) и зачем ему (и нам) все это нужно. Итак, слово Евгению Евтушенко.

МОЙ ПЕРВЫЙ «СТАДИОН»

Чтобы понять кому это нужно, представьте себе 57-й год, площадь Маяковского. Мое имя было тогда в сильной опале. Секретарь ЦК комсомола Шелепин потребовал выдернуть мои стихи (те, что о памятнике Юрию Долгорукому) из уже сверстанной «Молодой гвардии». И в это же время проходит День поэзии. Главное действие разворачивалось на площади Маяковского. Меня туда, естественно, не пригласили. Я выступал в книжном магазине на Полянке. Народу набилось такое количество, что действие пришлось переносить во двор. Я читал с пожарной лестницы. Там как раз был один американский поэт, который сразу после выступления все-таки заставил меня пойти на Маяковку.

В принципе, я знал, что там будет, и всячески отпирался. Но в конце концов пошел инкогнито: поднял воротник, встал за колоннами станции метро. Сейчас даже и подумать страшно, сколько там было людей! Площадь была запружена до основания. Невероятное потрясение – 20 тысяч человек! Естественно, меня тут же заметили, принялись скандировать, и не просто вывели (это было совершенно невозможно), а по рукам донесли до трибуны.

Ведущему ничего не оставалось, как только дать мне слово. Я оказался между двух жерновов: с одной стороны, вроде бы я в опале и не приглашен, и на трибуне зависла тяжелая пауза, с другой, вся площадь требует стихов. Прочел одно. Публика, знаете, иногда бывает крайне бестактной. Тут же поднялся дикий крик: «Еще! Нести его к памятнику!» Ведущий был уже настолько обескуражен, что согласился и на второе стихотворение (хотя по регламенту даже именитые читали только одно). Когда же и после второго народ взорвался, мне уже самому приходилось всех успокаивать. Это было мое первое, так сказать, стадионное выступление.

ПЕСНИ В ЛЕТИЦИИ

Буквально на днях я лечу в Новосибирск, где на центральной площади во время Дней русской письменности дам открытый урок школьникам. Двадцати

тысячам человек! Речь не идет о том, что я – классик и хочу занять место в школьной программе рядом с Пушкиным и Лермонтовым. Просто я люблю читать стихи и умею это делать уже хотя бы из-за своего гигантского опыта. Я читаю и на английском, и на итальянском, и на испанском. В Израиле даже попытался прочесть свое стихотворение на иврите (после теракта и убийства девочек).

Но всегда главной стартовой площадкой для меня была Россия. Я, например, объехал всю Сибирь. Плыли по Лене и выступали даже там, где вообще не ступала нога поэта. Слушать собирались целыми деревнями.

Примерно то же самое со мной было на Амазонке. Мы заехали в деревню, где живут индейцы, охотники за крокодилами. Поселок Летиция. Вы не поверите, но сошлись все от мала до велика: от прадедов и прабабок до голопузых детей. Мои стихи звучали в двойном переводе. Сначала их перевели на испанский, а потом наш гид транслировал их по-индейски. Помню, на вертеле крутился кабан, и все жители начали... подпевать. Они вообще не знают слова «поэт», для них поэт – это певец.

ЛОШАДИ ДЛЯ «РЕЗИДЕНТА»

Я не раз бывал в Латинской Америке. Хорошо знал Че Гевару. Беседовал с ним семь ночей. Он выделил мне время с двенадцати до четырех утра. У меня до сих пор хранятся записи этих бесед. Их пока еще не время публиковать (пройдет года два-три, тогда, возможно, опубликую). Уже после гибели Че Гевары мне очень хотелось увидеть то место, где его убили – почти недоступную деревушку в горах. Это была страшная история: жители деревни сами сдали раненого в ногу Че. Их можно понять – прямо по его следам шли карательные отряды, которые выжигали и убивали всех, кто ему помогал. Так вот, попасть в эту деревушку можно было по почти непроходимой тропе. По ней пройти пешком нереально – только на лошадях (странная вещь – там, где человек соскальзывает и падает, лошадь сохраняет равновесие). Местные крестьяне ни в

какую не хотели давать лошадей. От безысходности я, извините за подробность, страшно напился. И в пьяном порыве начал читать стихи по-испански. Когда они поняли, что это «певец», а не журналист или русский резидент, все было в порядке.

БРЕМЯ ПОПСЫ

Когда люди, даже не знающие языка, не слишком искусственные в поэзии, испытывают невольное уважение к поэту – в этом суть литературы. Я бы, естественно, хотел, чтобы мои стихи были любимы как простыми людьми, так и теми, кого называют интеллигенцией. У меня так было со стихотворением «Со мною вот что происходит». Его знали почти все. Очень любили Ландау и Сахаров.

Я всегда верил в значительность слова. Если люди вдруг теряют необходимость в поэзии, она им необходима еще больше. Лет семь назад мне казалось, что такой кризис наступил. Все бросились на «запретные плоды», стали производить бесконтрольную пошлость. Сейчас время выхода из этого кризиса. Каждый год в свой день рождения 18 июля я устраиваю поэтические вечера, и из года в год вижу, как молодеет аудитория. Правда, основные площадки, где раньше выступали поэты, теперь захвачены попсой с очень плохими текстами. И дело даже не в качестве текстов – хуже, когда привываешь к пошлости.

ЖУРНАЛИСТСКОЕ БРАТСТВО

Для меня будущий вечер очень важен. Я надеюсь, что придут люди, которые, так же, как и я, не потеряли веру в слово. Для меня любовь к поэзии важнее собственных стихов. Поэтому там я буду читать не только свои произведения.

Кстати, за время подготовки концерта было немало сюрпризов. Во-первых, меня поразило журналистское братство. Сейчас модно охаивать журналистов, говорить об их беспринципности. А тут совершенно без всякой корысти меня поддержали и Дмитрий Дибров, и супруги Стриженовы. Они пошли на то, чтобы изменить уже устоявшуюся сетку своих программ, но пригласить меня в студию и дать анонс. Я был крайне тронут таким вниманием.

Михаил Задорнов, после того как узнал обо всех перипетиях, связанных с организацией концерта, самолично захотел выступить. Странный наверное дуэт – Евтушенко и Задорнов. Но тут Михаил предстанет совсем в другом амплуа: он решил рассказать о моей поэзии и сам прочтет какие-то стихи.

Записал
Сергей СОЛОВЬЕВ